

ПРОФЕССОР СЕРЕБРЯКОВ

Повесть

Источник: Никандров. Н. Н. Путь к женщине. Роман, повести, рассказы. Сост. и коммент. М. В. Михайловой; Вступ. ст. М. В. Михайловой, Е. В. Красиковой. - СПб.: РХГИ 2004 - 508 с.

OCR: В. Есаулов, ноябрь 2008 г.

I

Уже и гражданская война в России давно закончилась, и советская власть утвердилась во всей стране, и повсюду возвещался мирный созидательный труд, а известный русский ученый, историк права, профессор Серебряков, волнами Октябрьской революции отброшенный в далекий провинциальный городок Минаев, все никак не мог выбраться оттуда и вернуться в свой Петербург.

Для жителей Минаева, переименованного после Октябрьской революции в Красный Минаев, пребывание среди них столь выдающегося человека было в высшей степени лестно. Для них это являлось тоже своего рода завоеванием Октябрьской революции; не случись в России Октябрьской революции, не видать бы никогда красным минаевцам и живого профессора.

До этого времени красные минаевцы знали о существовании на земле профессоров только по рассказам студентов, приезжавших домой на каникулы, да по старорежимным календарям с картинками, где наряду с портретами государей, министров, епископов, а также людей, благодаря воздержанному образу жизни проживших свыше ста лет, попадались иногда и портреты профессоров, обогативших чем-либо науку.

Поэтому естественно, что при своем появлении в Красном Минаеве профессор Серебряков возбудил к себе в горожанах огромный, небывалый интерес. В первое время за ним по улицам ходили такие толпы народа, взрослых и детей, какие в подобных городах ходят только за военным оркестром.

Толпа, сопровождавшая профессора, виднелась еще издали. Черным, шевелящимся, меняющим свои очертания пятном она неторопливо двигалась из улицы в улицу, из переулка в переулок, вбирала в себя по пути новых любопытных, росла в объеме и сперва запружала собой один тротуар, а потом захватывала и часть мостовой. И во главе этой толпы, как пастырь среди паствы, смущенно шествовала очень примечательная своей неожиданной внешностью фигура профессора.

На вид ему давали в толпе лет пятьдесят. Он был бледен, одутловат, как бы нездоров, с выпученными круглыми глазами, с суровым, лобастым простым русским лицом, с мужицкой, закрывавшей всю грудь пружинистой бородой темно-бурого цвета и с такими же беспорядочно разросшимися волосами на широкой голове. На нем был странный по своей скудости наряд: походное, военного образца, защитного цвета непромокаемое пальто до земли, такая же защитная, только суконная, низкая, круглая шапочка арестантского фасона, слишком маленькая, целиком утопающая в копне волос, и когда-то модные, теперь худые, покоробленные, с задравшимися носками, на кривых каблуках нечищенные штиблеты.

И пока как следует не разглядели особенного выражения глаз профессора, у всех получалось такое впечатление, что пред ними был самый обыкновенный человек, пожилой мужчина из небогатого класса, мещанин, отец многочисленного семейства, очень похожий -- в толпе сразу узнали! -- на одного минаевского портного, сколь прекрасно работающего, столь же свирепо и пьющего. Эта-то чисто портновская простота великого человека, его доступность, апостольская бедность, соединенная с какой-то затаенной трагичностью, по-видимому, и привлекали к нему сердца красных минаевцев.

И нервная дрожь, благоговейный трепет, радостный ужас охватывали красных минаевцев, когда они забегали по мостовой впереди профессора и расширенными глазами заглядывали ему в лицо.

-- Отец святой! -- клубочком вдруг вывертывалась из напирющей толпы одержимая кликушеством простоволосая баба и катилась по мостовой в ноги профессору. -- Помилуй нас! Нагрешили мы, окаянные, нагрешили!

-- Портной! Наш портной! -- растроганно восклицали в то же время в толпе иные мужчины. -- Как есть наш портной! Вот интересно!

А